
Пандемия коронавируса и ее значение¹

М. Растин

(Перевод с англ.: З.Р. Баблюян)

Научная редакция: И.Ю. Романов)

*Майкл Растин – профессор социологии Университета Восточного Лондона, приглашенный профессор Тавистокской клиники и Университета Эссекса. Был главой кафедры социологии и деканом факультета социальных наук более 25 лет. В настоящее время проводит обучение в «Тависток и Портман Трасте» Национальной системы здравоохранения Великобритании в программах последипломного образования в области психоанализа. Сооснователь и редактор журнала *Soundings* (1995) и проекта *Alternatives to Neoliberalism: the Kilburn Manifesto* (2015). Его собственные работы главным образом касаются культуральных и социальных приложений психоаналитических идей. Он также координирует серию программных публикаций *Soundings Futures* для журнала *Soundings*.*

В этой статье изучается значение пандемии коронавируса с точки зрения как социополитической, так и психоаналитической. Мы полагаем, что концепция «неравномерного и комбинированного развития» актуальна для понимания событий, которые сейчас происходят. По той причине, что в этой пандемии новая болезнь появилась в условиях, когда интерфейс между обществом и миром природы не регулируется, – но также когда современные формы коммуникации обеспечили возможность беспрецедентно быстрого распространения этой болезни по всему земному шару. Кризис выявил множество линий социального разделения: социальные классы, этнические группы, нации и регионы поражены по-разному. Отклик правительств на вирус, их приверженность сохранению жизни людей в сравнении с другими материальными интересами отражают противоположные приоритеты, идеологические по происхождению. Во второй части статьи исследуются психосоциальные измерения данного кризиса. Психоаналитический подход сосредоточен на тревогах, вызванных крайней дестабилизацией и рисками, созданными кризисом. Мы предполагаем, что они не только осознаваемые, но и бессознательные, порождают психологическое расщепление и отрицание деструктивного характера и нарушают способности к рассудительному принятию решений. Мы показываем, что потеря «контейнирующих» психических и социальных структур теперь оказывает разрушительное действие, и их восстановление может быть предусловием для конструктивного разрешения общего социального кризиса.

В заключение разработка и массовое производство вакцин для предупреждения инфицирования вирусом отмечены как более доброкачественный аспект этого состояния неравномерного и комбинированного развития.

Ключевые слова: пандемия, комбинированное и неравномерное развитие, прогрессивная модернизация, контейнирование, вытеснение, психосоциальный анализ.

¹ Другой вариант этого доклада выходит в *Revista Brasileira de Psicanálise*, том 54, № 2, 2020.

Вначале я должен сказать следующее: хотя я считаю, что есть значимые аспекты пандемии коронавируса, которые можно прояснить посредством идей психоанализа, но полагаю, что есть также множество ее аспектов, которые необходимо пояснять другими способами. Так что, прежде чем я приступлю к размышлениям о том, как психоаналитическая парадигма может применяться в отношении этой нынешней трагедии, я бы хотел обрисовать понимание ее более широких социальных и политических изменений.

Что довольно удивительно (для доклада, прочитанного теперь в Украине), теоретическая модель, которая проясняет текущую ситуацию, была выдвинута Львом Троцким в его «Истории русской революции» (*Trotsky, 1932*), где он объясняет ее исторический характер. Это была «теория неравномерного и комбинированного развития». Он говорил: возможной революцию сделало наличие в отсталом, по сути, российском обществе некоторых исключительно «современных» и развитых секторов. В их числе были процветающий промышленный капитализм, организованный рабочий класс и передовая интеллигенция, один из элементов которой составляли большевики и другие – коммунисты, социалисты и анархисты. Но обрекал революцию на крайние трудности, по его мнению, тот факт, что этот «современный» сегмент существовал внутри системы, состоящей из полуфеодальных средств сельскохозяйственного производства (крепостное право было отменено только в 1861 году), неграмотного крестьянства, широко распространенных религии и предрассудков, а также автократической и жестокой формы правления царистского государства. Это был даже на момент публикации в 1932 году прозорливый анализ ситуации, с которой столкнулись революционеры и которая привела в итоге к провалу их проекта модернизации и к катастрофам по мере его развития².

Как может эта теоретическая модель перемен помочь объяснить кризис, столь радикально отличающийся от политической и социальной революции, как текущая глобальная пандемия? Объяснение заключается в сочетаниях влияний некоторых чрезвычайно прогрессивных и некоторых «ранних» и отсталых аспектов социального и экономического развития – и те и другие актуальны для этих очень разных феноменов. Похоже, что коронавирус возник на продовольственных рынках в городе Ухань в Китае, где торговля живыми животными, пойманными в дикой природе и забитыми без всякой профилактической гигиены, сочеталась с продажей домашних животных и многих других продуктов. В этих условиях (как и в случае прежних эпидемий, таких как SARS – «атипичная пневмония») для вируса было возможно переходить с вида на вид, наверное, через такие промежуточные виды диких животных, как летучие мыши. Это «до-современный» элемент ситуации.

² Джастин Розенберг, профессор международных отношений в Университете Сассекса, недавно вернулся к теоретической модели неравномерного и комбинированного развития, объясняя современные геополитические обстоятельства (*Rosenberg, 2013*).

На этот тесный контакт на продовольственных рынках между дикими видами животных и людьми – торговцами и покупателями (что я описываю как «досовременную» форму коммерции) была наложена очень современная скорость передачи болезни. Это произошло благодаря быстрому потоку человеческих существ по земному шару, который осуществляется в нашей среде коммуникаций. Один социолог глобализации описал ее как «пространство потоков» – концепция, возникшая при разработке теории глобализации многими учеными (*Beck, 2000; Castells, 1998; Giddens, 1991; Harvey, 1989; Massey, 2002; Urry, 2007*) в последние десятилетия. Многие составляющие черты глобализации были предсказаны этой моделью, в том числе рост глобальной торговли, широкие и почти мгновенные потоки финансового капитала и центральная роль информационной технологии – среди прочих ее особенностей. И в качестве ее сопротивлений или негативных реакций – появление «фундаменталистских» сопротивлений модернизации, большие потоки беженцев и глобальный терроризм.

Последствием этой ситуации комбинированного недо- и переразвития стал контакт всего населения планеты на протяжении всего лишь 12 месяцев с вирусом COVID-19, который службы здравоохранения и социальные системы в большинстве стран, хотя и не во всех, до сих пор не способны подавить.

Есть и другие аспекты «неравномерного развития», имеющие отношение к данной пандемии. Ее воздействие раскрывает большие различия в уязвимости разных групп населения перед вирусом и в способностях социальных систем его сдерживать (*to contain*). Эти различия отчасти зависят от относительного материального благосостояния, как всегда было при распространении эпидемий. Представителям привилегированных социальных групп гораздо легче самоизолироваться или сбежать в места относительного уединения, чем беднякам. (В Европе времен Возрождения для городских элит было обычным делом таким образом находить укрытие в сельских владениях³). Эти различия также являются следствием качества и количества ресурсов, инвестированных в системы государственного здравоохранения, – наличия врачей, больничных коек, оборудования для тестирования и отслеживания, надежных данных и т. д. Но уровень материального благосостояния – среднедушевой доход – отнюдь не единственная причина вариаций во вреде, наносимом вирусом. Похоже, что различия в идеологиях и структурах власти, лежащих в основе социальных систем, также принципиальным образом сказываются на воздействии вируса.

Поразительно, например, что европейские страны в основном достигли гораздо лучших результатов, чем Соединенные Штаты, в преодолении COVID-19. Однако в пределах Западной Европы Великобритания справилась несколько хуже, чем аналогичные ей страны, после того периода,

³ «Декамерон» Боккаччо, собрание историй XIV века, композиционно построен так, будто их рассказывает группа благородных дам и юношей, прячущихся от черной смерти на вилле невдалеке от Флоренции.

когда Испанию и некоторые части северной Италии захлестнула первая волна вируса. С другой стороны, Китай и другие страны Юго-Восточной Азии предприняли существенно более эффективные меры по сдерживанию его воздействия, чем большинство остальных регионов мира.

Похоже, что различия в нравственных устоях и убеждениях в социальных системах приводят к различному отклику обществ на вирус. Очевидно, что в некоторых обществах ценность, приписываемая защите жизней, всех жизней, перевешивает все остальные цели и определяет приоритет, которым наделяется подавление вируса. Но в некоторых других обществах – или среди их правящих элит – ситуация обстоит иначе. Некоторые страны и их правительства, похоже, были согласны терпеть распространение инфекции и смертность от вируса, воспринимаемые ими, вероятно, как непреложный «факт природы», до такой степени, до которой другие были не согласны. Они обычно утверждали рост своих экономик и свободу индивидуумов в качестве приоритетов, противопоставленных роли правительств в защите жизней. Многие общества убеждены, что они могут побороть вирус полностью или, по крайней мере, практически, тогда как другие, похоже, готовы допускать уровень зараженности в десятки тысяч, чтобы экономическая жизнь могла продолжаться с наименьшим ущербом. Дальнейшее объяснение этого различия заключается в том, что некоторые общества обладают готовностью и способностью смягчать экономический вред, причиняемый людям индивидуально, когда рынки подавлены, посредством коллективных мер компенсации или созданием занятости, тогда как другим это идеологически претит. Определяющее различие между этими нормативными системами, кажется, заключается в ценности, приписываемой ими индивидуальной свободе, по сравнению с ценностью, приписываемой здоровью и благополучию всех, которой, как они считают, иногда нужно подчинять свободу некоторых. Подобные различия в фундаментальных понятиях «общественной солидарности» раскрываются также, конечно, в других сферах общественной жизни.

Эти различия никаким простым образом не соответствуют политическому делению на левое и правое, хотя иногда с ним совпадают. Некоторые азиатские страны, далеко не социалистические, такие как Тайвань, Япония и Южная Корея, заняли позиции социальной защиты в своей реакции на коронавирус, как и Китай, которым управляет коммунистическая партия, однако его экономика, по существу, капиталистическая.

Многие специфические типы социального разлома проявились в тех обществах, где не возникла приверженность всеобщим защите и благополучию в ответ на вирус. В Великобритании обнаруживаются две группы, оказавшиеся особенно уязвимыми перед вирусом. Одна – это пожилые и немощные обитатели домов престарелых, где уровень инфицированности и смертности был очень высоким – по некоторым оценкам, 20 000 из 45 000 смертей на начало июля 2020 года. Другая – черное и этнические меньшинства, которые также оказались затронутыми пандемией несоразмерно своей численности. Чернокожие и принадлежащие к этническим меньшинствам сотрудники Британской государственной службы

здравоохранения стали исключительно уязвимыми жертвами вируса по причинам, которые мы пока не вполне понимаем. И шире – степень воздействия COVID-19 в Британии коррелирует с показателями социального и экономического благополучия и депривации. Вследствие таких факторов, как более плотно заселенные жилища и неустраняемая обязательность работы вне дома, более бедные члены общества больше всего пострадали от вируса (*Dorling, 2020*).

Чтобы полностью объяснить эти феномены, необходимо рассмотреть их с точки зрения бессознательных процессов отрицания социальной реальности и человеческих потребностей, а также проекций уязвимости и ценности между социальными группами. Несоразмерно сильное воздействие вируса на черное и этнические меньшинства стало связанным с задачами движения «Жизни черных важны», когда в это время появились доказательства плохого обращения полиции с чернокожими вслед за убийством полицией Джорджа Флойда 25 мая в Миннеаполисе. Возникли гневные реакции на эти события, которые в США привели к насильственным ответным реакциям на улицах, что создает поляризованную и иногда ожесточенную политическую обстановку, в которой происходила борьба на президентских выборах в Америке.

Психодинамические аспекты кризиса

Пока что я в основном обсуждал объяснения нынешнего кризиса, лежащие в области социальных структур и процессов, а не в сферах, которые представляют особый интерес для психоаналитиков. Причина этого – в моем убеждении, что принципиальные объяснения этого кризиса следует искать в динамике обществ, а не в первую очередь в психологических склонностях отдельно взятых людей. Однако бессознательные процессы существуют как у индивидуумов, так и в социальных группах и сообществах. Я утверждаю, что страхи, тревоги и разыгрывания у отдельных людей и отдельными людьми в таких ситуациях, как теперешняя, хоть они и реальны, главным образом обусловлены социальным окружением, в котором формируются, пусть даже, как я сказал, это социальное окружение имеет бессознательное измерение. Вызывают и наиболее полно объясняют то, что случается с людьми в обществах, различия между этими обществами – но не наоборот: различия между людьми не вызывают и не объясняют наиболее полно то, что происходит с обществами. Склонности и характеры таких фигур, как Трамп, Болсонару и Джонсон, разумеется, имеют важные последствия для их обществ (и для всех нас). Тем не менее их свойства и характерные типы действия наиболее понятны как следствия их социальной среды, но не ее причина. Фрейд (и такие авторы, как Адорно (*Adorno, 1951*), который разработал фрейдистский анализ фашизма), считал «лидеров» продуктом социопсихологических потребностей и коллективных переносов их последователей, а не первичными причинами поведения этих последователей. Динамические взаимодействия между Дональдом Трампом и массовыми митингами, которые он постоянно использовал, чтобы подпитывать

собственные чувства обиды и гнева, – современные примеры этого интерактивного процесса.

Но следует спросить: что добавляет психоаналитическая точка зрения к нашему пониманию кризиса и положения дел нынешнего типа? Есть ли концепция бессознательных психических процессов, поскольку эти функции – общие и коллективные уровни психики, которая проясняет ситуацию и которую нужно инкорпорировать в систему социополитического анализа? Здесь мы имеем более широкую проблему того, как можно произвести теоретическую интеграцию психоаналитического и социологического понимания. Эту тему я изучал в другой работе (*Rustin, 2016*).

Я считаю, что наиболее ценной психоаналитической концепцией для понимания текущего кризиса является идея Биона о «контейнировании» (*Bion, 1975*) и о том, что возникает благодаря его наличию или отсутствию, силе или слабости. Нынешний кризис с его перекрывающимися и пересекающимися измерениями вызывает крах многих «контейнирующих» структур, а также тех привычек ума и способностей, которые от них зависят. С психоаналитической точки зрения «контейнирующие» структуры «контейнируют» тревоги, как распознанные, так и нераспознанные, как осознаваемые, так и неосознаваемые, что не одно и то же. Когда же контейнирование отсутствует, появляется множество зачастую чрезмерных защит от тревоги, таких как расщепление и отрицание, проекция угроз и бед, которых человек боится, в других и возврат к параноидно-шизоидным и нарциссическим состояниям психики. И Мелани Кляйн, и Уилфред Бион считали, что предусловия к способности рассуждать и мыслить, а также способности объединять в психике осознание склонностей как любить, так и ненавидеть заключаются в эмоциональном и психическом развитии человека. Кляйн мыслила его как достижение «депрессивных» способностей, или «депрессивной позиции» (*Segal, 1973; Rustin and Rustin, 2017*). Бион мыслил его как наличие надежного отношения между «контейнером и контейнируемым». Такие переживания контейнирования имеют место сначала в первые месяцы и годы жизни в контексте ближайшей семьи. То есть во взаимоотношениях между младенцем и матерью, но также между матерью и отцом, отцом и младенцем и между членами большей семейной группы, в том числе братьями и сестрами. Это первичное местонахождение, или инкубатор способности формировать и поддерживать отношения, которые, будучи сформированными, обычно распространяются за пределы семейной сферы – в более широкую среду сообществ и рабочих мест. А также в установление отношений, обладающих как внутренним, так и внешним измерением, с другими типами «объектов», которые могут иметь как символическое, так и эмоциональное значение, такими как профессии, места, разновидности искусства или науки, культурные или социальные блага. Ранние переживания контейнирования – это микросеттинги, внутри которых развиваются и становятся возможными способности жить в обществе.

Существование таких микросеттингов зависит от более широких контекстов безопасности и благополучия окружения. В хорошо функционирующих обществах можно считать обеспеченными в большей или

меньшей степени достаточно хорошие контексты для того, чтобы прожить жизнь, чтобы осуществлять личностное развитие и даже предпринимать путешествия в неизведанное. Когда возникают тяжелые множественные кризисы, такие как нынешние, происходит следующее: эти окружающие контексты или условия существования подвергаются фундаментальным угрозам и нарушениям. В связи с самой болезнью COVID-19 мы видим, как разрушается вера в других, а также в правительства, когда растут опасности и риски для людей по отдельности и семей. Сейчас мы видим, как многие правительства начинают беспокоиться о том, что резервы общественного доверия и послушания, от которых зависят практические меры сдерживания этой болезни (например, карантины, ношение медицинских масок, соблюдение социальной дистанции, вакцинация, меры предосторожности в общественных пространствах), исчерпаются, если люди утратят уверенность в способностях и действиях правительств. Это падение доверия уже происходит во многих местах и по понятным причинам.

Нарушения другого уровня возникают, когда те или иные социальные группы (например, небелые) приходят к убеждению, что общество, в котором они живут, и особенно его власти имущие, пренебрегают ими, плохо и даже жестоко к ним относятся. Дополнительные тревоги появляются, когда базовая материальная обеспеченность оказывается под угрозой, например из-за экономической рецессии и безработицы. Дальнейшие типы угрозы переживаются на уровне культурной идентичности, когда ощущается, что символическая ценность всего «воображаемого сообщества» группы поставлена под удар, например из-за очернения со стороны других или кажущегося захвата власти и привилегий соперниками. В книге Арли Хоукшилд «Чужие в собственной стране» показаны истоки обиды республиканского электората американского Юга в их ощущении, что им отказано в возможностях, которые предлагает «американская мечта», из-за привилегий соперничающих групп в обществе, проживающих, по их представлениям, в северных городах. Финтан О'Тул (*O'Toole, 2018*) описал эмоциональное ядро кампании Brexit в Англии как состоящее из сочетания триумфального всемогущества и мазохистической жертвенности и жалости к себе. Обида на «других», которые кажутся господствующими, и нарастание враждебности к таким группам – главный ресурс таких националистов и популистов, как Трамп, для сохранения, зачастую демагогическими средствами, их баз политической поддержки.

Кризис «неравномерного и комбинированного развития», который я охарактеризовал, раскрыл и усилил структурные неравенства множества разновидностей внутри стран и между ними. Этот кризис порождает понятные и вполне обоснованные требования их исправления. Некоторые в этой ситуации обнаруживают, что они занимают чрезвычайно радикальные и даже утопические позиции, настаивая на том, что сейчас необходимо сделать. Некоторые считают, что всю социальную систему следует демонтировать и запустить заново, сколь бы трудно ни было придать какой-то конкретный смысл этой идее. Однако мы знаем, что требования к обществу, выдвигаемые теми, кто не обладает признанием и властью,

будут провоцировать противодействующие требования и реакции тех, кто ими сейчас обладает. Перераспределений и корректировок власти и привилегий для того, чтобы удовлетворить противоположные и соперничающие претензии, обычно трудно достичь. Конфликты, порождаемые такой борьбой, могут вызывать риск организованного насилия и социального кризиса, как мы видели в прошлом. Стратегии реформы и исправления неравенств и несправедливостей, на мой взгляд, должны принимать во внимание вероятность таких встречных реакций и находить способы ограничения их жесткости и деструктивности.

Я склонен полагать, что в настоящем кризисе определенное восстановление «контейнирующего» правительства, которое способно немедленно начать заниматься критическими проблемами и решать их (такими, например, как проблемы, вызванные коронавирусом или глобальным потеплением), – это предусловие для осуществления многих фундаментальных перемен, желательных и необходимых в общей ситуации «комбинированного и неравномерного развития». Похоже, что избранный президент Байден теперь попытается осуществить это в Соединенных Штатах.

Однако следует отметить, что интерес к состояниям «контейнирования» – не единственный психоаналитический подход к социальной ситуации, который может быть уместным. В проницательном обзоре трудов Фрейда социолог Зигмунт Бауман (*Bauman, 2009*) отметил, что главные тревоги, которыми охвачено общество, меняются, в частности от одной социальной эпохи к другой. Фрейд был главным образом озабочен, пишет Бауман, чрезмерным вытеснением желаний, а также ограничениями, налагаемыми в его время на мысль и действие, особенно в сексуальной сфере. Это было до того, как освободительное воздействие его собственного учения на этот культурный климат, которое было значительным, возымело эффект⁴. Чрезмерное вытеснение заботило также Мелани Кляйн, как мы видим по ее сосредоточенности на деструктивных воздействиях преследующего Супер-Эго на личность. Но в наше время, по мнению Баумана, маятник качнулся далеко в противоположном направлении, так что главная социальная тревога теперь возникает в связи с тем, что воспринимается как чрезмерная свобода сексуального выражения и действия. Поэтому мы испытываем почти фобические тревоги в отношении сексуальной безопасности детей и сильно тревожимся о том, следует ли сексуальные инициативы в межличностной жизни воспринимать как агрессию или насилие – или же их следует признать лишь прелюдиями и ухаживаниями, без которых никогда не может состояться никакое сексуальное отношение. (Разумеется, они могут быть и такими, и эдакими.) В более широкой сфере дополнительный простор для выражения и коммуникации, например посредством «троллинга», обеспеченный экспансией социальных медиа, порождает тревоги относительно злоупотреблений

⁴ Эрнест Геллнер, который раньше (*Gellner, 1985*) был суровым критиком Фрейда, в своей более поздней работе (*Gellner, 1995*) писал о том, что общество в большом долгу перед Фрейдом за то, что его труды ослабили социальное вытеснение и тем самым сделали возможными более широкие переживания удовольствия и наслаждения.

свободой слова. Как сообщается, свирепая брань и иногда злобные угрозы являются распространенными чертами коммуникаций в адрес публичных фигур в этих медиа, ухудшая и разрушая всю атмосферу в целом, в которой можно обмениваться идеями и мнениями, и, без сомнения, отвращая многих людей от участия в них. Похоже, используя социальные медиа, люди зачастую могут целиком обходить те формы регуляции, которые должны в какой-то мере ограничивать грубые и антисоциальные виды коммуникации в традиционных печатных медиа. В настоящее время шаги к сдерживанию таких необузданных социальных медиа желательны, даже крайне необходимы. Некоторая реакция на эту ситуацию сейчас фактически наблюдается в требованиях к таким «платформам», как «Фейсбук» и «Твиттер», осуществлять больший надзор над тем, что в них появляется. Полагаю, именно в этом культурном климате актуальна психоаналитическая сосредоточенность на «контейнирующем» конце спектра между свободой и контролем. Времена меняются, и то, что психоаналитики считают желательным и целесообразным для современности, тоже может меняться.

В данный момент проявился (как и ожидалось с самого начала) более доброкачественный аспект «неравномерного и комбинированного развития», которое я предложил считать контекстом пандемии, – в разработке и предстоящем массовом производстве и распределении вакцин от этой болезни. Если, как теперь кажется вероятным, это произойдет так, как планируется, это будет выдающимся достижением науки и систем здравоохранения, которые делают научные разработки доступными для использования людьми. Институты и практики «современности» (modernity) (разумеется, они отчасти различаются), которые сделали возможным глобальное распространение вируса за год, теперь, похоже, смогут смягчить и, наверное, даже погасить его воздействия за аналогичный промежуток времени.

Вероятно, социальные неравенства и идеологические разделения, которые определили социальное воздействие вируса, и далее будут проявляться в распределении средств вакцинации против него как внутри стран, так и между ними. Некоторые страны постараются предоставить всеобщий свободный доступ к вакцинам, другие позволят, чтобы неравенства финансового доступа к здравоохранению влияли на доступ к вакцинам. Видимо, в некоторых странах, таких как США, антипатия к правительствам и недоверие к ним таковы, что даже вакцинация воспринимается как посягательство на индивидуальную свободу с очевидными последствиями для здоровья населения. Но есть влиятельные голоса, такие как голос Всемирной организации здравоохранения, которые стараются обеспечить равный доступ к вакцине для богатых и бедных стран, в широком смысле для Севера и Юга, и, похоже, эти голоса возымеют некоторый эффект.

Некоторые из властей имущих, например люди в администрации Трампа, стремились остановить процессы глобализации и ее инструменты и тем самым сохранить преимущества, которыми, по их мнению, они уже обладают. Эта идеологическая позиция только что потерпела сокрушительное

поражение на американских президентских выборах, и, похоже, это повлечет некоторые хорошие последствия. Я считаю, что преодоление вредоносных воздействий, которые, безусловно, оказала глобализация, заключается не в блокировке или обращении вспять ее развития, но в том, чтобы сделать ее в некоторых их аспектах более всеобщей и всеобъемлющей по своему масштабу. Это нацелено на некий вид комбинированного и скорее равномерного, чем неравномерного развития. В другой работе я представил это как «прогрессивную модернизацию» (Rustin, 2019).

Вообразим мир, в котором, например:

– Цели хорошего здоровья населения и средства его обеспечения становятся всеобщими.

– В котором прекращение глобального потепления становится общей задачей человечества. Науки обеспечили ключ для решения проблем, вызванных пандемией, и настолько же понятна их центральная роль в преодолении проблем климатических изменений. Достижения науки в области здравоохранения теперь должны быть источником надежды в отношении этого более масштабного кризиса.

– В котором с прогнозируемыми проблемами неуправляемых потоков беженцев из бедных и воюющих стран справляются не построением барьеров и «прекрасных стен», но созданием условий для того, чтобы проблемами бедности и беспорядка занимались в тех регионах, откуда беженцы прибывают.

– В котором цели экономического развития установлены для всего мира, а не лишь для стран по отдельности.

Возникновение правительств, способных «контейнировать» тревоги их граждан, а не вызывать и провоцировать их своей явной безответственностью и разделением общества, – это необходимое условие позитивного развития.

Разумеется, только компетентные и пользующиеся большой поддержкой правительства, работая вместе, могли бы осуществлять такой доброкачественный процесс в сотрудничестве с другими социальными, экономическими и культурными субъектами. Это может показаться невозможной перспективой, но не обязательно она невозможна, если вспомнить, чего достигла Европа после Второй мировой войны или же чего достигает Китай в отношении бедности и стандартов жизни в своих границах.

Конечно, такие цели недалеки от тех, которые выдвинуты многими международными агентствами или визионерами – теоретиками человеческого развития и «процветания», такими как Марта Нуссбаум и Амартия Сен (Nussbaum and Sen, 1993), и которые нашли свое воплощение в Индексе человеческого развития и Ежегодных отчетах ООН.

И, в конце концов, каковы другие альтернативы глобальной катастрофе?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adorno T.* (1951/1978) *Freudian Theory and the Pattern of Fascist Propaganda* (1951), reprinted in A. Arato and E. Gebhardt (eds) *The Essential Frankfurt School Reader*, Oxford: Blackwell (1978), p. 118–137.
2. *Bauman Z.* *Freudian Civilisation Revisited: or Whatever happened to the reality principle?* (2009) *Journal of Anthropological Psychology* No. 21, 2009, Department of Psychology Aarhus University p. 1–9. https://psy.au.dk/fileadmin/Psykologi/Forskning/Forskningsenheder/Journal_of_Anthropological_Psychology/Volume_21/target.pdf.
3. *Beck U.* (2000) *What is Globalisation?* Cambridge: Polity Press.
4. *Bion W.R.* (1975) *Attention and Interpretation*. London: Tavistock Publications.
5. *Castells M.* (1998) *The Information Age: Economy Society and Culture*, Vols 1, 2 and 3. Oxford: Blackwell.
6. *Dorling D.* (2020) *Want to understand the Covid map? Look at where we live and how we work*. *Guardian*, Nov. 29.
7. *Gellner E.* (1985) *The Psychoanalytic Movement*. London: Paladin.
8. *Gellner E.* (1995) *Freud's Social Contract*, in *Anthropology and Politics*. Oxford: Blackwell, p. 62–93.
9. *Giddens A.* (1991) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
10. *Harvey D.* (1989) *The Condition of Modernity*. Oxford: Blackwell.
11. *Hochschild A.R.* (2016) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: New Press.
12. *Massey D.* (2002) *Globalisation: What Does it Mean for Geography?* *Geography*, 87, 4, 293–6. https://think-global.org.uk/wp-content/uploads/dea/documents/dej_9_2_massey.pdf.
13. *Nussbaum M. and Sen A.* (eds.) (1993) *The Quality of Life*. Oxford: Oxford University Press.
14. *O'Toole F.* (2019) *Heroic Failure: Brexit and the Politics of Pain*. London: Apollo.
15. *Rosenberg Justin* (2013) *The Philosophical Premises of Uneven and Combined Development*. *Review of International Studies*, 39 (3), p. 569–597.
16. *Rustin M.J.* (2016) *Sociology and Psychoanalysis*, in A. Elliott and J. Prager (ed). *The Routledge Handbook of Psychoanalysis in the Social Sciences and Humanities*. London: Routledge, p. 259–277.
17. *Rustin M.J.* (2019) *Is there an Alternative to Reactionary Modernisation?* *Soundings* 71, p. 116–127.
18. *Rustin M.E. and M.J.* (2017) *Reading Klein*. London: Routledge.
19. *Segal H.* (1973/1988) *Introduction to the Thought of Melanie Klein*. London: Karnac Books.
20. *Trotsky L.* (1932) *The Russian Revolution*. New York: Simon Schuster.
21. *Urry J.* (2007) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
22. *Williams R.* (1977) *Marxism and Literature*. Oxford: Oxford University Press, p. 128–136.

Coronavirus pandemic and its significance

M. Rustin

(Translated from English: Z. Babloyan

Scientific editor: I. Romanov)

Michael Rustin – Michael Rustin is a Professor of Sociology at the University of East London, and a Visiting Professor at the Tavistock Clinic and at the University of Essex. He was Head of Department of Sociology and Dean of the Faculty of Social Sciences over 25 years, until his partial retirement in 2003. Since then his main teaching work has been at the Tavistock and Portman NHS Trust, on postgraduate courses in the field of psychoanalysis. He was a co-founding editor, with Doreen Massey and Stuart Hall, of the journal Soundings in 1995. After many years work together on Soundings, he co-edited with them Alternatives to Neoliberalism: the Kilburn Manifesto, in 2015. His own work has been substantially concerned with the cultural and social applications of psychoanalytic ideas. He is now coordinating a programmatic series Soundings Futures, for Soundings.

This article examines the meanings of the Coronavirus Pandemic from a perspective which is both socio-political and psychoanalytic. It suggests that the concept of "combined and uneven development" is relevant to understanding the events which are now taking place. This is because the pandemic has brought together the genesis of a new disease in conditions where the interface between society and the natural world is unregulated, but also where modern forms of communication have enabled an unprecedentedly rapid spread of the disease to take place, across the entire globe. Multiple lines of social division are being exposed by the crisis, as social classes, ethnic populations, nations and regions are differentially harmed. Contrasting priorities, ideological in origin, are being revealed in governments' response to the virus, in the commitment they give to the preservation of lives compared with other material interests.

In a second part of the article, psycho-social dimensions of the crisis are explored. A psychoanalytical perspective focuses on anxieties as these are generated by the extreme disruption and risks posed by the crisis. It is suggested that these are not only conscious but also unconscious, giving rise to destructive kinds of psychological splitting and denial, and disrupting capacities for reflective decision-making. It is argued that a loss of "containing" mental and social structures is now having damaging effects, and that their repair may be the precondition for constructive resolutions of a general social crisis.

Keywords: pandemic, combined and uneven development, modern vs progressive modernization, containment, repression, psycho-social analysis.